

События последних лет жизни и дата смерти Прокопия до сих пор остаются неизвестными. Как в его жизни, так и в творчестве была глубоко трагическая и вместе с тем бросающая тень на его нравственный облик *двойственность*. В знаменитом историке уживались как бы *два человека*, находящиеся в постоянном противоречии друг с другом.

Один из них — несколько суховатый и холодный, замкнутый в себе *чиновник*, быстро продвигающийся по служебной лестнице. Это дипломат, обладающий трезвым умом, большой сдержанностью и скрытностью, душа которого закрыта наглухо для всего внешнего мира. Он бесспорно *карьерист*, который для достижения высоких постов готов использовать свой талант, зная, как мечтает Юстиниан о своем придворном историке, воспевающем его деяния. Карабкаясь к вершинам власти, Прокопий как опору использует свои официальные исторические труды. Всю эрудицию и жизненный опыт он отдает на службу императору, иногда даже пресмыкаясь перед ним и его любимцами. Он не боялся чрезмерностью похвал оттолкнуть упоенного властью императора, и его расчет оказался правильным, ибо, приписав в этом плоском панегирике всю строительную деятельность в империи исключительно Юстиниану, Прокопий добился его милостей.

В «Истории войн Юстиниана» Прокопий также всячески подчеркивает свою лояльность. Но внимательное изучение сочинения показывает, что здесь сквозь завесу официозного повествования уже начинает пробиваться пока еще робкая критика существующего строя. Подспудно, приглушенно начинает звучать голос второго человека, который живет в Прокопии. Прокопий позволяет себе, хотя и в завуалированной форме, отметить недостатки правления Юстиниана. Однако, чтобы обезопасить себя от доносов правительственных шпионов, он перемежает похвалу Юстиниану и его полководцу Велисарии с отдельными оппозиционными замечаниями, которые в целях маскировки вкладывает в уста явных внешних врагов императора ¹⁶.

Однако и в этом труде осторожный карьерист и политик еще берет верх над критически мыслящим ученым, который таится в Прокопии рядом с придворным льстецом. Прокопий — ученый, страстный обличитель юстиниановского режима, пылающий самой непримиримой ненавистью к императору Юстиниану и императрице Феодоре, а также к их клеветам, трепеща за свою жизнь, в обстановке кровавого террора и самого гнусного шпионажа, таясь даже от самых близких людей, пишет тайную хронику правления Юстиниана ¹⁷. В предисловии к этому необычному произведению Прокопий сам объясняет задачи труда и причины его создания. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла. Написать обличительный труд историка подвигло желание, чтобы тираны будущих времен опасались отмщения за свои преступления, имея перед гла-

---

¹⁶ Примеров замаскированной критики в «Истории войн» довольно много. Наиболее яркий из них — жалобы армянских послов на Юстиниана в речи, обращенной к персидскому шаху Хосрову I (*Proc. V. P.*, II, 3; ср. I, 2; *V. G.*, IV, 15, 13—18). Прокопий осуждает Юстиниана за промахи в ведении войны в Италии, за увлечение бесплодными догматическими спорами, отвлекавшими его от государственных дел (*Proc. V. G.*, III, 32, 10). Порой Прокопий не скрывает сочувствия к врагам императора. Так, он всячески оправдывает Ипатия, одного из руководителей сенаторской оппозиции во время восстания Ника (*Proc. V. P.*, I, 24, 17—58); рассказывая о заговоре Артабана, Арсака и Германа, он проявляет симпатию к Герману и особенно к Марцеллу (*Proc. V. G.*, III, 31—32).

¹⁷ Прокопий говорит, что он не мог писать правдивую историю, пока были еще живы вершители всех этих дел. «Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный, я неизбежно должен был погибнуть самою жалкою смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных» (*Proc. N. a.*, I, 2).